

— Мой ход!

— А я крою!

— Снова хожу!

— И снова крою!

— Да я...! — старый император, восседая на ложе, всю прищурился, и мусть в его глазах исчезла. Он целиком сосредоточился на черно-белой доске, и вдруг с силой припечатал костяшку: — Ладно, сначала выстрою ряд!

Лу Силай, стоя на коленях на постели прямо напротив государя, мазнул взглядом по доске и хитро прищурился.

— А я заблокирую! — он лукаво улыбнулся. — Лучшая защита — это нападение, так что я тоже начну ряд!

Император вздрогнул. В этой партии он впервые за долгое время был вынужден перейти от атаки к обороне.

— Я... я закрою!

— У меня «два по три»!

— Тьфу... Сначала закрою с этого края.

— А теперь четыре в ряд!

— Кхм, — старик долго разглядывал доску, вертя в пальцах черную костяшку, и наконец в расстройстве отложил её в сторону: — Опять я проиграл. — Впрочем, уныние быстро сменилось детским восторгом. — А ведь и правда, эта забава куда меньше утомляет разум, чем го... Послушай, малый Линь, как ты назвал эту игру?

— «Пять в ряд», Ваше Величество. — Лу Силай смотрел на него и думал: порой этот император — просто азартный и не в меру увлеченный старик. И этот старик начинал ему нравиться всё больше.

— Ха-ха-ха, и впрямь занятно!

После громкого смеха и шума императору, видимо, стало душно. Он махнул рукой, и две

служанки тут же подскочили к нему: одна принялась обмахивать его веером, другая замерла с влажным платком в руках.

Откинувшись назад и облегченно выдохнув, император позволил вытереть пот со лба, а затем спросил у Лу Силая:

— Малый Линь, не хочешь чего-нибудь освежающего?

Лу Силай посмотрел на него, на мгновение задумался и, вдохновленный внезапной идеей, предложил:

— Государь, ваш слуга желал бы отведать охлажденного отвара из кислой сливы.

Император улыбнулся. Ему даже не пришлось открывать рта — одного взгляда хватило, чтобы стоявший неподалеку начальник евнухов Лю Хаоюань распорядился всё исполнить.

Не прошло и пары минут, как служанки принесли две чаши с бодрящим напитком. Лу Силай и император сидели друг против друга на драконьем ложе. Заметив, как довольно улыбающийся старик потянулся к чаше, Лу Силай вдруг занес руку над доской:

— Ваше Величество, давайте еще партию.

— Постой, — император запнулся. — Принесли же отвар.

— Отвар можно выпить и попозже.

— Но тогда он перестанет быть ледяным.

— Отчего же? — невинно поинтересовался Лу Силай.

Старик усмехнулся, помешивая ложечкой плавающую в чаше ледяную крошку.

— Лед растает.

— Вот оно как... — Лу Силай с видом великого озарения поднес чашу к лицу и зачерпнул немного льда. — Мудрость Вашего Величества безгранична. Но есть ли способ сделать так, чтобы лед никогда не таял?

Казалось, император понял, к чему тот клонит. Он лишь усмехнулся, одним махом осушил чашу, поставил её в сторону и промолчал.

Внезапно на Лу Силая обрушилась такая тяжелая, подавляющая аура, что он вмиг осознал: перед ним не просто азартный дед, а владыка Поднебесной.

Лу Силай неловко замер с ложкой в руке. Пока лед в ней медленно превращался в воду, улыбка императора угасала. Он становился всё мрачнее, и Лу Силаю почудилось, будто кровь отливает от его собственного тела — холод пополз от кончиков пальцев к самому сердцу.

Наконец, старый император протянул руку и чувствительно щелкнул Лу Силая по лбу.

— Ах ты, паршивец! — проворчал он. — Вздумал меня поучать?!

— Государь... — услышав в голосе лишь притворное раздражение, Лу Силай с облегчением выдохнул, отложил ложку и обмяк.

— Малый Линь, неужто ты и впрямь решил, будто я только и знаю, что забавляться, и, запершись в глубоком дворце, совсем не ведаю, что творится в мире?

— Ваш слуга не смеет так думать, — Лу Силай поспешно склонил голову.

— Не смеешь, а поучаешь! — старик, видимо, всё еще не до конца остыл: он толкнул Лу Силая в голову так, что тот едва не повалился, и продолжил: — Когда Гуань Ваньхэ поднес мне Ледяного Будду и запел о том, что в поместье премьер-министра прохладно и там удобнее его хранить, неужто ты думаешь, я не понял его умысла? Да, я согласился отдать лед Янь Шэню, но если кто-то вознамерится использовать это как повод, чтобы свалить его с поста — разве я это позволю?

Лу Силай был поражен тем, насколько ясно мыслит этот старый повеса. Он низко склонился:

— Это ваш слуга проявил излишнее самоуправство.

— Что же до Янь Шэня... Он вечно сух, суров и дерзок. Пожалуй, после Хэ Юйху он — самый нелюбимый мною человек... — Император на миг задумался, и он снова лукаво усмехнулся. — Но мне просто хотелось посмотреть, как он попадет впросак... Знал бы ты, с какой миной он вез этот лед к себе домой. Это было редкое зрелище.

«И премьер-министр, и родные сыновья для него лишь способ развлечься... Да он же всю Поднебесную держит за игрушку», — по спине Лу Силая пробежал холодок.

Однако, прекрасно понимая, как потрафить вкусам государя, он вскинул голову и улыбнулся:

— Ваше Величество, да что толку от этого сухаря Янь Шэня! У вашего слуги есть забава поинтереснее!

Император мгновенно просиял, и он тут же позабыл о недавнем недовольстве.

— О? Ну же, выкладывай!

В императорском саду Лу Силай, сидя подле государя, лениво зевнул и со злорадной ухмылкой покосился на Гуань Ваньхэ, который, дрожа всем телом, стоял на коленях перед императором.

Согласно их маленькому уговору, две служанки поднесли Гуань Ваньхэ ту самую ложку с ледяной крошкой, которая к этому моменту почти целиком превратилась в воду.

Глядя на то, как тучный министр юстиции трясущимися руками принимает подношение, Лю Хаоюань сурово прикрикнул:

— Господин Шаншу, что же вы стоите? Благодарите за милость!

— Бла... Благодарю... — Гуань Ваньхэ был в таком ужасе, что, казалось, позабыл все придворные формулы. Лишь спустя вечность он пролепетал: — Благодарю за милость Вашего Величества...

Старый император, склонившись над каменным столом, едва не задыхался от сдавленного смеха — у него даже не было сил ответить.

Лу Силай же вставил свои пять копеек:

— Слыхал я, поместье господина министра славится своей прохладой. На днях этот Линь непременно нанесет вам визит.

Гуань Ваньхэ при этих словах и вовсе потерял опору. Он посмотрел на Лу Силая с отчаянием и невыплаканными слезами, и затрясся еще сильнее.

— Государь, ваш слуга... я...

— Неужто и впрямь прохладно? — император всё-таки сдержал хохот, хотя он побагровел. — Нынче стоит невыносимая жара. Пожалуй, я загляну к тебе вместе с малым Линем, как выкрою время.

— Госу-госу-госу... Ваше Величество! — округлый министр буквально рухнул в ноги императору, обливаясь слезами: — Ваш слуга всегда был предан трону! Двадцать лет службы я был кристально чист и честен! Я...

Лу Силай ощутил в груди приятное тепло — впервые он по-настоящему распробовал, каково это: опираясь на чужую мощь, притеснять других.

— Ладно тебе. Государь ведь не спрашивал, честен ты или нет. Благодарю за милость и ступай.

Гуань Ваньхэ горько подумал: за всю свою жизнь он не совершал ошибки большей, чем вражда с этим пройдохой-книжником.

Прижимая к груди остатки ледяных брызг, Гуань Ваньхэ, пошатываясь, поднялся. Под бодрые выкрики Лу Силая: «Ой, не разлей! Смотри не пролей! Аккуратнее!» — он, утирая слезы, поплелся прочь из сада.

Стоило министру скрыться из виду, старый император наконец взорвался громовым хохотом. Он буквально лег грудью на стол, и казалось, от его грохочущего голоса содрогается само небо.

— Малый Линь, ну ты и негодяй!

— Ваше Величество, согласитесь, это куда забавнее, чем кислая мина Янь Шэня?

— И то верно! Ха-ха! Линь, ты мне по душе! — старик вытирал выступившие от смеха слезы и продолжал колотить ладонью по столешнице.

Наблюдая за этим безудержным весельем, Лу Силай вдруг невольно вспомнил историю о том, как Чжоу-ван зажигал сигнальные огни, чтобы рассмешить красавицу Бао Сы. Он почувствовал беспокойство: если история повторится, не станет ли он, Лу Силай, преступником пред вечностью?

Немного успокоившись, император поднял голову. Заметив, что юноша встревожен, он вмиг посерьезнел.

— Малый Линь. Ты ведь думаешь, что я — никчемный правитель, верно?

От такой резкой перемены Лу Силай вздрогнул и мгновенно пал на колени.

— Ваш слуга не смеет.

— Чего ты только не смеешь, — император хоть и говорил сурово, но голос его смягчился. Он вздохнул: — Я ведь с самого рождения не желал этого трона. Мне бы полагалось быть беззаботным князем, вот как старому князю Ниньяну.

—...

— Вставай, — император просто махнул рукой.

Пользуясь затянувшейся паузой, евнух Лю решил вставить слово:

— Ваше Величество, лекари наказывали беречься ветра. Позвольте проводить вас в опочивальню.

Старик посмотрел на Лю Хаоюаня, проигнорировал его и подозвал Лу Силая:

— Подойди.

Тот покорно приблизился.

— Ты мне мил, а потому ждет тебя награда, — император снова улыбнулся. Он обернулся к евнуху: — Принеси мой веер.

Лу Силай смотрел вслед Лю Хаоюаню. Он думал: Янь Шэню за пост премьер-министра достался лед, который вот-вот растает, а он за обычное мелкое пакостничество получает настоящую награду. Что за чудеса?

Пока он предавался раздумьям, император снова заговорил:

— А еще я пожалуй тебе чин. Помоги-ка мне... Какую должность тебе дать?

—... Разве можно раздавать чины вот так просто?

— Отчего же нет? Я — самодур, они и пикнуть не посмеют.

Император выглядел таким довольным, будто титул «самодур» был величайшей честью. Лу Силай не сдержал ответной улыбки и, вновь опускаясь на колени, произнес:

— Раз уж Ваше Величество — самодур, то ваш слуга будет при вас подлым льстецом!

— Ха-ха-ха! — эта лесть попала точно в цель. Император расхохотался так, что у Лу Силая заложило уши. — Добро! Линь Яньдун, отныне ты — мой личный императорский фаворит-льстец!

«Личный императорский фаворит-льстец», — Лу Силай сам повторил эти слова и расплылся в довольной ухмылке. Его жизнь и так шла наперекосяк, так что и должность ему подходила идеально.

Евнух принес веер. Император взял его и тут же протянул Лу Силаю. Подперев щеку рукой, он с улыбкой наблюдал, как юноша вертит в руках подарок, но вдруг зашелся в тяжелом кашле.

Лю Хаоюань подскочил к нему, похлопывая по спине:

— Ваше Величество, вам вреден ветер, вернемся во дворец.

Лу Силай был ошарашен. Только что старик смеялся, как ни в чем не бывало, а теперь выяснилось, что он не выносит даже легкого дуновения.

— Государь, берегите себя, — искренне произнес он, но следующая фраза вышла нескладной: — У вашего слуги еще столько забав припасено, вы не должны... — тут он понял, что ляпнул лишнего, и осекся. По лбу градом покатился пот: «Ну что за идиот, стоит разволноваться, и язык заплетается».

Однако император и не подумал гневаться. Когда кашель утих, он лишь улыбнулся:

— Хорошо. Ступай. Кхм... Завтра я буду ждать тебя с новыми забавами.

Опершись на руку Лю Хаоюаня, старый владыка в окружении служанок медленно побрел к своим покоям.

Попрощавшись с императором, Лу Силай вприпрыжку пустился прочь, поигрывая подаренным веером.

Теперь у него и на поясе висел императорский дар, и в руках был веер из дворца — кто посмеет его тронуть? От радостных мыслей кружилась голова. Повинуясь порыву поскорее увидеть Девяточку, он припустил напрямик в сторону Императорской академии.

Но стоило ему завернуть за угол у дворцовых палат и на миг сложить веер, как он замер. У пруда с лотосами, поджидая его, стоял Чжао Цзинжэнь в роскошном темно-фиолетовом халате.

Вокруг была тишь да благодать, но стоило князю обернуться и улыбнуться, как Лу Силай почувствовал, как сердце предательски екнуло. Он развернулся и бросился наутек.

Правда, не пробежал он и десяти шагов, как ожидаемо был настигнут — крепкая рука Чжао Цзинжэня мертвой хваткой вцепилась в его локоть.